

Люди и нравы за полвѣка¹⁾.

Недавно, читая записки А. И. Соколовой, я встрѣтилъ въ нихъ и знакомую фигуру князя Ю. Н. Голицына. Чѣмъ-то далекимъ, далекимъ пахнуло на меня; далекимъ и хорошимъ... Исполинская фигура Голицына возстала предо мною, какъ живая...

Помню и его сына, тогда еще мальчика лѣтъ семи-восьми: въ голубой шелковой рубашечкѣ, опоясанной серебрянымъ кушачкомъ, въ черныхъ бархатныхъ русскаго покроя штанишкахъ, онъ какъ-то безъ призору бѣгалъ по клубу въ то время, когда отецъ велъ веселые разговоры съ друзьями за общимъ столомъ.

Вѣроятно, этотъ мальчикъ и обратился впоследствии въ молодого человѣка, про котораго говоритъ и А. И. Соколова, но, увы, безъ правъ на княжескій титулъ. Мы тогда этого и не подозрѣвали, и всѣ звали красиваго малютку „князенька“.

— Скучно вашему сынку, князь, одному-то, какъ-то заговорилъ я съ Юриемъ Николаевичемъ: разрѣшите мнѣ привезти для него компанію—моего братишку, ровесникъ вашему-то будетъ.

— Ради Бога! Очень и очень обяжете. Я просто страдаю, глядя на его одиночество.

Въ слѣдующій разъ я привелъ въ кружокъ своего брата. Тутъ ужъ я началъ страдать: ужасно боялся, что онъ, прямо съ улицы-то, по обычаю, наладеть для перваго знакомства сіятельному другу

¹⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1913 г.

въ загорбокъ, какъ говорится, по первое число, вотъ тотъ и будетъ помнить.

Но однако все обошлось благополучно.

Князь Голицынъ, когда я съ братомъ уходилъ домой, такъ горячо просилъ опять въ слѣдующій разъ привести его въ кружокъ, что я не могъ отказать и обѣщалъ непремѣнно исполнить его желаніе.

Мы пошли въ переднюю одѣваться. Князенька такъ прилипъ къ братишкѣ, что пошелъ провожать насъ. Здѣсь онъ обращается къ швейцару и спрашиваетъ:

— А гдѣ же?...

— Здѣсь, ваше сіятельство,—слышится сзади голосъ другого лакея.

Я обернулся и вижу въ рукахъ человѣка громаднѣйшій пакетъ, который передается въ руки князька.

— А это отъ меня... передавая пакетъ брату, говоритъ какъ-то сконфуженно аристократъ.

— Спасибо... глядя исподлобья, мычитъ мой плебей.

— Ты смотри же, не обмани, приходи въ четвергъ.

— Ладно! коли братъ возьметъ, приду; съ тобою весело...

— Ну, вотъ и хорошо; очень радъ буду тебя видѣть; смотри же, не обмани!... и при этомъ мило погрозилъ ему пальчикомъ.

— Ну, а то...

Что этимъ хотѣлъ сказать мой шестилѣтній братишка, ей Богу, не знаю.

Одѣлся онъ въ свой полушубокъ, забралъ пакетъ, и мы отправились домой, конечно, пѣшкомъ, благо близко.

Весело мнѣ было смотрѣть на этихъ дѣтяшекъ, а на сердцѣ было все-таки неспокойно.

Только-что вышли мы изъ кружка, прошли дворъ, вышли на улицу, я сейчасъ же съ допросомъ:

— Ну, что жъ, тебѣ понравилось?

— Извѣстно, понравилось. Тамъ хорошо.

— Ну, что же вы дѣлали?

— Чай пили... печенье ѣли... груши ѣли... виноградъ ѣли... (О, плебей!).

— И играли?

— Извѣстно, играли...

— А ты съ нимъ не подрался?

— Нѣтъ, зачѣмъ драться: онъ добрый.

— Ну, смотри, Илюша, веди себя хорошенько, не осрами меня, а то въ другой разъ не возьму.

Пришли домой, и первое дѣло братишки было, не раздѣвшись, бѣжать къ матери.

— Смотри, мама, что у меня-то?—и начинаетъ вытаскивать изъ пакета все благопріобрѣтенное: груши, яблоки, виноградъ...

Нѣсколько разъ я бралъ его съ собой, и, къ моему удивленію, никакого скандала онъ не произвелъ. Весь сезонъ плебей и князь были друзьями.

И я замѣчалъ, какое хорошее вліяніе это имѣло на братишку въ воспитательномъ отношеніи: разныя выходки брата, подъ часъ непозволительныя по своей рѣзкости и дикости, какъ-то постепенно сглаживались.... Плебсъ полировался и понемногу уходилъ съ улицы...

Жаль, что это продолжалось недолго.

Х.

Я такъ спутался съ этимъ кружкомъ, такъ увлекся театромъ, что совсѣмъ забросилъ ученіе. Да и не могъ не забросить: всѣмъ существомъ стремился я къ сценѣ, жилъ ею, дышалъ; сцена цѣлкомъ захватила меня, какъ говорится, съ головы до пятъ...

Я забылъ рассказать, какую штуку я удралъ лѣтомъ того года.

Не посѣтуйте на меня за то, что я, оставляя въ сторонѣ хронологію, вернусь нѣсколько назадъ.

Лѣтомъ этого года артистъ Малаго театра, рѣдкостный комикъ Н. И. Музиль былъ командированъ на гастроли въ Тифлисъ. Намѣстникъ Кавказа, великій князь Михайлъ Николаевичъ, проѣзжая чрезъ Москву, посѣтилъ театръ, видѣлъ Музиля, восхищался его игрою и пригласилъ его на лѣто къ себѣ. Вотъ Музиль и уѣхалъ въ Тифлисъ. И залѣзла въ мою юную голову такая дѣтская хитрость: во время репетиціи я забрался за кулисы Малаго театра; темъ страшная; ни души не видно; гдѣ-то вдали слышатся какіе-то разговоры—очевидно репетировали... Не знаю, куда тронуться, да и боюсь... Сердце усиленно бьется въ груди... Вдругъ выходитъ изъ-за кулисъ и натывается въ потемкахъ на меня господинъ...

— Извините, пожалуйста, мнѣ бы нужно было видѣть Николая Игнатьевича Музиля...

— Его нѣтъ; онъ въ Тифлисъ.

— Ахъ... какъ жаль...

Разговаривая, мы вышли на улицу, и только тутъ я узналъ въ разговаривавшемъ со мною господинѣ артиста Александра.

— А вамъ зачѣмъ нуженъ Музиль?

— Да я было хотѣлъ посоветоваться съ нимъ, какъ бы мнѣ получить дебютъ...

— Такъ, вѣдь, это-жъ можно и безъ него: отправляйтесь въ контору театра... Знаете, на Малой Дмитровкѣ? Явитесь къ инспектору репертуара В. П. Бѣгичеву, такъ какъ директоръ Пельтъ въ отпуску, и тотъ исправляетъ его должность; заявите о вашемъ желаніи, и больше ничего. Вѣроятно, дебютъ вамъ разрѣшатъ...

— Очень, очень вамъ благодаренъ!..

Я проводилъ его до Кузнецкаго моста, и мы разстались.

О! юность, юность! О, неопытность!

На другой день начинаю дѣйствовать, какъ по-писанному: отправляюсь на Малую Дмитровку, храбро дергаю за ручку звонка; дверь отворяетъ представительный швейцаръ.

Мнѣ нужно видѣть Владимира Петровича Бѣгичева...

— Пожалуйста, принимаютъ; я сейчасъ доложу.

Черезъ двѣ—три минуты возвращается и какъ-то особенно радушно (такъ мнѣ показалось) говорить: сейчасъ выйдутъ, потрудитесь подождать.

О! надежда моя начала расти. Все предвѣщало удачу.

Вдругъ дверь отворяется, и изъ кабинета выходитъ красавецъ-мужчина, лѣтъ 35, высокаго роста, кудрявый брюнетъ, въ модномъ бархатномъ пиджакѣ, обшитомъ широкою шелковой тесьмой, въ бѣломъ жилетѣ и свѣтлыхъ брюкахъ.

Это былъ самъ Бѣгичевъ, герой Москвы, первый ея всѣми признанный легкомысленный красавецъ. Говорятъ, что Маркевичъ въ своемъ романѣ „Четверть вѣка назадъ“ изобразилъ именно его подъ фамиліей.... Вотъ ужъ и забылъ эту фамилію. Извините.

Я рассказываю ему въ чемъ дѣло... Рассказываю робко, заикаясь...

— Вы хотите получить дебютъ?—съ улыбкой спрашиваетъ онъ меня.

— Да, я желалъ бы...

— Прекрасно. Отправляйтесь въ театръ, спросите режиссера Александра Федоровича Богданова, скажите ему, что вы были у меня, и что противъ вашего дебюта я ничего не имѣю. Сегодня съ нимъ я увижусь!

Слегка наклоняется ко мнѣ, протягиваетъ крупную красивую руку, которую я даже пожалъ отъ радости, и аудіенція кончена.

Боже! до чего все это легко! И какъ мнѣ везетъ! Спасибо Александрову: указалъ прямую дорожку.

Отъ Малой Дмитровки до Малаго театра рукой подать. Бѣгу туда, не воровски, какъ вчера, а прямо лѣзу на сцену и дежурному капельдинеру говорю: мнѣ нужно видѣть режиссера, А. Ф. Богданова.

— Они здѣсь, сейчасъ доложу.

Дѣйствительно, выходитъ ко мнѣ маленькій, сѣденькій старичекъ

— Вы желали меня видѣть?

— Да, я...

— Что же вамъ угодно?

Я объясняю ему, что хотѣлъ бы получить дебютъ; былъ у В. П. Бѣгичева, который направилъ меня къ нему.

— Очень хорошо. Въ чемъ же вы желали бы дебютировать?

— Въ „Простушкѣ и воспитанной“.

— Какую же роль?

— Емели.

— Прекрасно. Милости прошу завтра въ 11 часовъ на репетицію. Я распоряжусь.

Бѣгу домой, а самъ думаю: что же это такое? Сказка... сонъ... или же... ужасная дѣйствительность? Да, ужасная! Не удивляйтесь, трусь велій объялъ меня. Лихорадило меня цѣлыя сутки, мѣста себѣ не находилъ.

Наступило утро слѣдующаго дня. Съ девяти часовъ я началъ ходить по улицѣ вокругъ театровъ, то Большого, то Малаго. Вопросъ: идти ли на репетицію, или нѣтъ, казалось, насквозь просверлилъ мой мозгъ... Но вотъ слышу на Спасской башнѣ играютъ часы... бьетъ половина одиннадцатаго... я стремительно бѣгу къ актерскому подъѣзду Малаго театра... подхожу къ нему... останавливаюсь... и... струсилъ. Махнулъ рукой и... побѣжалъ домой...

Да, не пошелъ, а побѣжалъ, побѣжалъ, точно жуликъ, за которымъ гналась сотня городовыхъ и дворниковъ. Испугался...

На этомъ и оборвался мой первый шагъ къ сценѣ.

Въ то время, кажется, въ единственномъ юмористическомъ журналѣ Миллера: „Развлеченіе“ была помѣщена каррикатура: нарисована театральная сцена, загроможденная лѣсомъ кулисъ; наверху надпись „Малый театр“; къ этой сценѣ подходит бритый молодой человѣкъ и останавливается... Въ раздумьѣ смотритъ на порогъ... На порогѣ во всю длину растянулась фигура съ фizioноміей актера Н. Е. Вильде...

Но само собою разумѣется, что эта каррикатура не касалась меня. Я самъ бѣжалъ, гонимый ужасомъ, и Вильде тутъ былъ ни при чемъ.

XI.

Около этого времени А. Н. Островскій выпустилъ въ свѣтъ свою драматическую хроніку „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“.

Захватывающій интересъ содержанія хроники, неподобная обстановка, высокоталантливая игра артистовъ и, наконецъ, имя Островскаго, все это неудержимо влекло и москвичей, и прїѣзжихъ провинціаловъ въ театръ, не издавшихъ до сего времени ничего подобнаго. Не удивительно, что пїеса шла черезъ день и всегда съ аншлагомъ, что билеты всѣ продавы.

Недавно, разбирая разный рукописный хламъ,—грѣхи моей молодости,—я нашель тетрадку, въ которой написана данная намъ на святки 1867 года работа на тему: „Какъ я провелъ святки?“.

Вступленіе заняло всего 15—20 строкъ: одинъ день, какъ двѣ капли воды, похожъ на другой: всталъ, умылся, помолился Богу; попилъ чайку, пообѣдалъ, погулялъ, опять чай, поужиналъ и на боковую. Ну, что же тутъ можно было выбрать интереснаго для даннаго сочиненія? Понятно, что я скорехонько перешель къ театру, всей душой мною любимому.

Когда я перечитывалъ сочиненіе, вся постановка Самозванца воскресла въ моей памяти: декорации, костюмы, игра и вообще вся обстановка прошли передо мною, какъ будто я видѣлъ все это мѣсяць, или два тому назадъ... Какъ будто Шумскій, Вильде, Самаринъ, Провъ Садовскій, Васильева, Ѳедотова, Ѳедотовъ и др. и до сей поры здравствуютъ и проживаютъ на Москвѣ. А между тѣмъ, увы! все это дорогіе покойники, кромѣ моего божка, Г. Н. Ѳедотовой, здравствующей и понынѣ...

Да, времени прошло много... Много воды утекло!..

Почти полвѣка!

Что значитъ молодость, способность воспринимать и хранить впечатлѣніе: прошло полвѣка, а между тѣмъ „оно во мнѣ... оно со мной!..“

Вотъ проходитъ предо мною старый бояринъ князь Василій Шуйскій. Удивительно правдиво сумѣлъ вызвать изъ тьмы вѣковъ эту историческую личность А. Н. Островскій, а воплотить ее—великій артистъ С. В. Шумскій. Въ боярской думѣ—Шуйскій одинъ; съ Самозванцемъ—другой; въ ссылкѣ—третій; съ калачникомъ Иваномъ—четвертый; во главѣ мятежа—пятый, и т. д. разнообразіе до безконечности! Только это разнообразіе и давало зрителю понять, что за сложный характеръ былъ Шуйскій! Все у него обдуманно, взвѣшено, процѣжено, нигдѣ и ни въ чемъ ни сучка, ни задоринки.

Приходитъ преданный Самозванцу Басмановъ и докладываетъ ему, что на Москвѣ противъ него образовался заговоръ: и бояре, и духовенство, и народъ участвуютъ въ этомъ заговорѣ...

— „Казни бояръ направо и налѣво, а Шуйскаго впередъ! Онъ голова всему!“.

Благородная натура Самозванца противъ этого, противъ казни. Ужъ если это такъ, то пусть осудить Шуйскаго на казнь не онъ, самодержавный царь, а боярская дума.

— „Я оставляю за собой великое право царей—миловать!“

Вотъ засѣданіе Думы. Стража вводитъ подсудимаго Шуйскаго. Дьякъ Щелкаловъ читаетъ обвинительный актъ. Дмитрій требуетъ отъ Шуйскаго отвѣта, и Шуйскій даетъ его; даетъ такой туманный отвѣтъ, отъ котораго пылкій Дмитрій вскакиваетъ съ трона и требуетъ признанія полнаго, или же перехода къ обвиненію его въ самозванствѣ.

— „Тогда ужъ я оправдываться буду!“ говоритъ онъ.

Но Шуйскій спокоенъ. Онъ говоритъ въ отвѣтъ на это, что онъ служилъ царю за совѣсть; что дѣлалъ такъ, какъ приказывалъ ему царь, и мимоходомъ бросаетъ комомъ грязи въ своихъ враговъ, главнымъ образомъ въ Петра Ѳедоровича Басманова.

Подсудимаго уводятъ. Уходитъ и Дмитрій во внутренніе покои требуя отъ Думы обсудить дѣло и поставить свой приговоръ. Слышатся немногіе и при томъ робкіе голоса защиты, но большинство противъ Шуйскаго, и рѣшено казнить его...

— „На чемъ рѣшили бояре?“—спрашиваетъ быстро, по обыкновенію, входя, Дмитрій.

Дьякъ Щелкаловъ читаетъ приговоръ: рѣшено лишить Шуйскаго всего имѣнія и на Лобномъ мѣстѣ отсѣчь голову.

Царь утвердилъ приговоръ. Басмановъ радъ. Но радость эта преждевременна. Великодушный Дмитрій сейчасъ же смягчаетъ приговоръ: отвести Шуйскаго на Лобное мѣсто, совершить обрядъ казни, сказать ему, что Царь даруетъ ему жизнь и посылаетъ въ ссылку въ дальнюю глухую деревню.

Басманова коробить.

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-Издатель П. Вороновъ.